

Ведущий Муз-ТВ Саша ПРЯНИКОВ:

Я гениальный сорняк с могучей корневой системой

Комсомолка. — 2000. — 12 мая. — С. 16

Закончив Гнесинское училище, человек с медово-припорошенным именем Саша Пряников признается, что не разбирается в музыке, но при этом ежедневно общается со звездами поп- и рок-тусовки на музыкальном канале. До недавнего времени он был самым экстравагантным ведущим канала Муз-ТВ. Теперь он — лицо этого канала.

— Почему Пряников и почему Саша?

— Потому что папа — Пряников. А Сашу вместо Александра предложил я сам. Мне это нравилось, это терзало слух. Коль скоро судьба подарила имя, с которым можно поиграть, то я и поиграл. Так и пошел в эфир — Саша Пряников.

— Пряников — это на восемьдесят процентов имидж. Зачем бородку сбрил? Куда делись фрак, джинсы? Раньше была «фишка», нюанс — теперь ты стал похожим на многих других.

— Во-первых, бородку достало каждое утро художественным

образом брить, во-вторых, достала девушка, в-третьих, наступает кризис среднего возраста — хочется меняться, взять и смахнуть что-нибудь с лица. А фрак был одним из путей поисков себя. Его стырили где-то наши люди, чтобы покрасоваться на Хэллоуине, а потом повесили в студии. Я увидел и решил надеть, получился какой-то образ — фрак обаявает. Потом он мне надоел, и я его снял.

— Кто-нибудь занимается разработкой твоего имиджа?

— До недавнего времени он создавался спонтанно, теперь есть девушка — молодой интересный стилист. Когда меня одевают, я сам себе напоминаю обожравшего сенбернара, которого треплют маленькие детишки, навязывают бантики, а он сидит и не вякает. Но когда на меня пытаются напалить трикотажную маечку в обтяг, я сильно протестую. Легкое гейство, которое должно наличествовать у модных людей, мне глубоко противно. В последнее время хочется выглядеть таким отдыхающим дуэлянтом, гулякой

и бретером в льняном костюме и рубашке.

— Но в эфире ты по-прежнему появляешься в маечках.

— С внутренним ощущением имиджа большие проблемы. Я не могу сказать, что я человек, который полностью видит себя изнутри и знает, как он должен выглядеть. Но я точно знаю, как должен решить внутреннюю задачу артиста. Поэтому, выпусти меня хоть в семейных трусах, я смогу разговаривать с королями.

— Когда в эфире твои «Русские пряники», у меня ощущение, что я попал в баню, где за пивом с раками собрались люди потреться о своем, не обращая внимания на камеру.

— Это программа настроения. Моя задача — расположить гостя таким образом, чтобы он не сидел с загруженными глазами. Я работаю на чувства, а не на какое-то трезвое восприятие. Я выхожу в эфир, встречаюсь с человеком, которого знаю давным-давно, и разговариваю о вещах, которые меня интересуют.

— Ты удовлетворен своим экранным чувством юмора?

— Я был бы полным кретином, если бы был удовлетворен. Я собой неудовлетворен вообще. Но у меня есть пуленепробиваемый панцирь — кто не со мной, тот дурак. Я устал слишком бурно реагировать. Ляпнет в Интернете какой-нибудь недоносок: сегодняшняя программа была плохая — и на неделю настроение испорчено. А потом: Пряников молодец — вау! — и целый месяц ходишь с хорошим настроением. Чтобы абсолютно не свихнуться, организм выработал специальный фермент: я прав, я гений, я лучший!

— Ты разбираешься в музыке?

— Чем больше слушаю, тем меньше понимаю. Это то же самое, что проститутку спрашивать: «Разбираешься ли ты в мужчинах?» — или гинеколога: «Что в женщине вам больше всего нравится?» Напиши: не разбираюсь.

— Тогда получается — ты профнепригоден.

— Да. Если меня начать спрашивать по азам музыки, я провалюсь на первом вопросе. Хотя, наверное, различу манеру исполнения Рихтера и Глена Гульда, отличу технику подачи на трубу у Диззи Гилеспи и Луи Армстронга. Но я не прилагал специальных усилий к изучению музыки, у меня нет системы музыкальных знаний и в голове большой бардак. Поэтому я говорю, что ничего не понимаю в музыке.

— К тебе приходят люди, чью музыку, наверное, ты не всегда любишь?

— Не могу такого сказать. У меня нет к ним личностного отношения. Я понимаю, что и для чего они делают и какую цель хотят своей музыкой достичь. Я все про них понимаю. Я понимаю, как они делают хорошую танцевальную вещь. Для этого надо помыслить триольно, а потом подчеркнуть слабую долю клавишами. И написать на все это хорошую мелодию. Я понимаю, что если взять стихи Земфиры и не ремиксовать, а перепеть теми же «Руками вверх», то не отличишь одно от другого. Потому что существует мелодический закон, который для всех одинаков.

— Всем памятно твое общение с президентом Ельциным, когда ты получил от него комплимент в адрес Муз-ТВ. С кем еще из политиков приходилось общаться?

— С Явлинским. У нас был точно такой же разговор, как обычно. Я понял, что с ним также можно говорить о жизни и ни о чем. Мне было очень интересно. После этого интервью я дико захотел делать политическую программу. И буду ее делать. Причем так, что все просто офигеют.

— С политиками общаться интереснее, чем с рок-, поп-звездами?

— Да! У них такая тренировка... С ними не проваливаешься в эфире, как иногда с артистами, когда нужно строить какие-то подпорки.

— Кто побеждает в конкурентной борьбе Муз-ТВ — MTV?

— Мы, конечно! Мы их сделаем, мы им отрежем головы! Я искренне считаю, да простят меня коллеги с MTV, что ведущие у нас лучше во сто крат. Мы, как сорняки с могучей корневой системой, формировались в условиях полной бесконтрольности, и те из нас, кто выжил, — личности. И по графике мы сейчас лучше. Причем это признают и на MTV. Во всяком случае они, насколько я знаю, регулярно обсуждают эту тему на своих совещаниях.

А вообще то, что делают на MTV, — отвраточная сборка автомобилей BMW. Все их программы давно придуманы западными людьми, которые получают за это большие деньги.

— Это плохо?

— Это отлично. Я, завистливо скрипя зубами и истекая желчью, говорю, что эмитившие программы лучше, потому что они отвраточной сборки.

— Как расшифровывается Муз-ТВ?

— Раньше было много всяких разных вариантов: «Мы уважаем зрителя», «Мы ушли за пивом», «Молодежный угол зрения» — эта идея мне нравилась.

— Некоторые считают, что в последнее время ты изменился в худшую сторону.

— Это хорошо, что отношение ко мне меняется. Я боюсь людей, которые бездумно поклоняются идолу, не замечая его недостатков, и в честь которого пишут мелом на стене.

— В твоём подъезде пишут мелом на стене?

— Начали. Ты думаешь, я обрадовался этому? С одной стороны — приятно. Есть атрибут отношения. Положено, чтобы писали на стенах. С другой стороны — перед соседями неудобно, я и так жилец довольно неспокойный.

— Хочу тебя немного приземлить. Очень многие спрашивали меня, когда я шел на это интервью: а кто такой Пряников?

— И таких тоже до фига. Я же все-таки не Путин.

Илья ОГНЕВ.